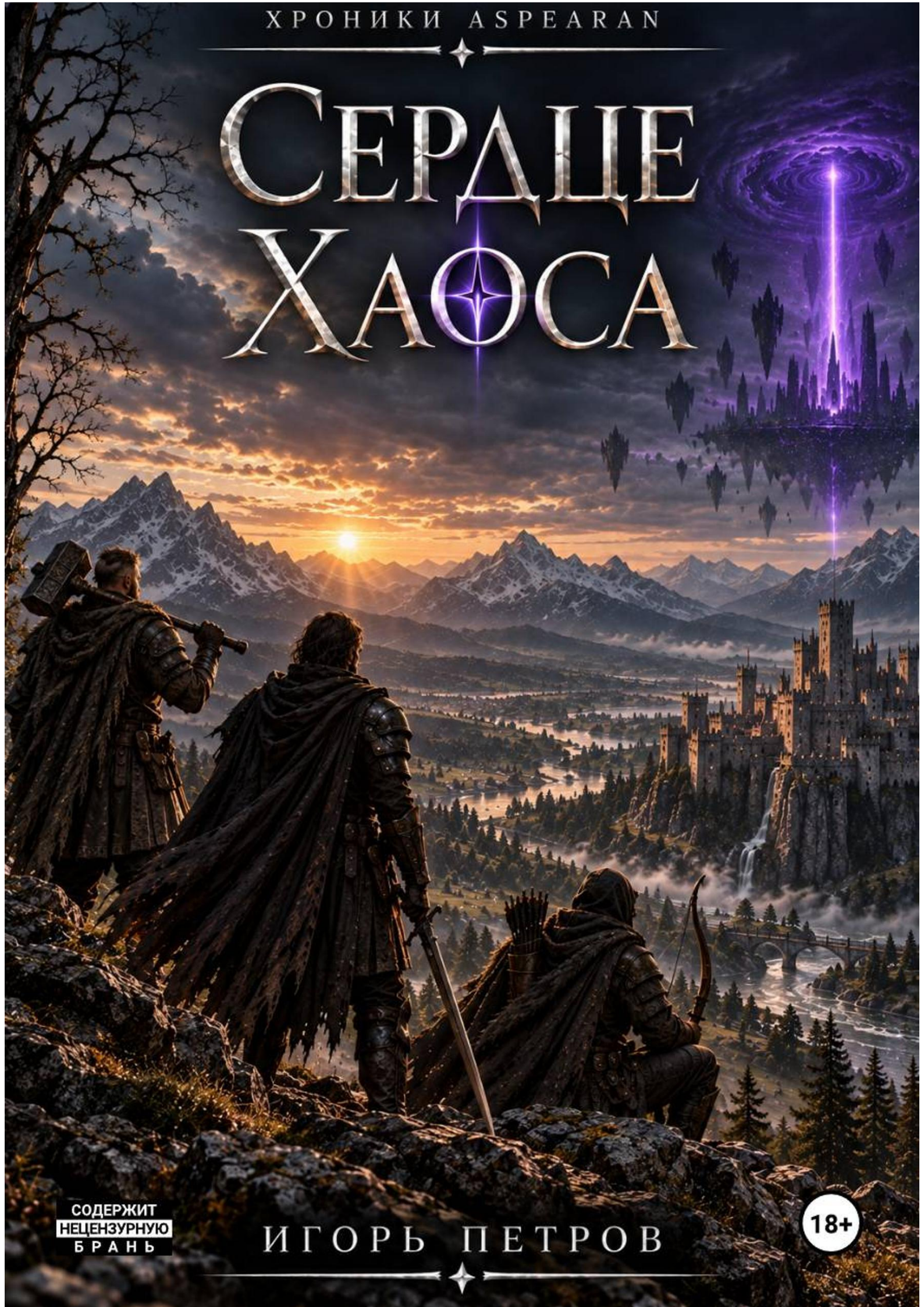

ХРОНИКИ АСПЕАРАН

СЕРДЦЕ ХАОСА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИГОРЬ ПЕТРОВ

18+

Хроники Aspearan

Игорь Петров
Сердце Хаоса

«Автор»

2026

Петров И. К.

Сердце Хаоса / И. К. Петров — «Автор», 2026 — (Хроники Aspearan)

Эрин запомнил только одну примету пропавшего обозника: красная нитка на левом сапоге. Найти человека обещать он не стал. На следующее утро его десяток отправили к старым развалинам возле Сиверна. Десять бойцов, боевой маг, лечебный камень и провиант до вечера. Обычная разведка, каких на границе бывает достаточно. Но под холмом нашёлся вход. После этого задача «посмотреть и вернуться» закончилась. Теперь вокруг — чужие коридоры, ловушки, кобольды и древняя магия. Позади одна за другой исчезают дороги, впереди находятся вещи людей, которые когда-то тоже сюда вошли. А каждый новый шаг требует решать, что важнее: выполнить приказ, искать пропавших или сохранить тех, кто ещё идёт рядом. Эрин хотел вернуться домой. Сначала ему придётся понять, где теперь находится дорога домой.

Содержание

ЧАСТЬ I — ВРАГ НАПРОТИВ	5
Глава 1. Пустой мешок	5
Глава 2. До вечера	7
Глава 3. За дверью	13
Глава 4. Час у огня	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Петров

Сердце Хаоса

ЧАСТЬ I — ВРАГ НАПРОТИВ

Глава 1. Пустой мешок

У серого холма за Сиверном опять пропал человек. С крепостной стены было видно и голую вершину, и два зубца старой дозорной башни, разглядеть, что творилось у её подножия, не удавалось даже в ясный день. За холмом начинались перелески. Старая дорога шла через них к охотничьим сторожкам, срезая добрый крюк южного тракта. Ею пользовались сборщики трав, обозники и всякий, кому хотелось вернуться домой до темноты. В провал под башней местные мальчишки прежде бросали камни. Теперь их туда не пускали.

За последние недели возле холма исчезли пятеро охотников и два обозника. Поначалу их не связывали: на границе люди ломали ноги в оврагах, попадались волкам, порой уходили в чужую сторону, не предупредив ни жену, ни сборщика податей. Потом над развалинами заметили ночные огни. Для костров они горели слишком бледно и ровно, едва гас один, другой зажигался на соседнем склоне.

В донесениях крепость называли Лесным Пределом. Сиверном её звали по старому поселению у подножия стен. Писари каждый год пытались навести в этом порядок, но на кухне, в казармах и у караульных ворот порядок не приживался.

Накануне вылазки Эрин застал у кухонной двери жену одного из пропавших обозников. Она принесла пустой мешок и требовала вернуть второй, такой же. Обозник увёз в нём крупу для охотничьей сторожки. Звали женщину Дела. Он несколько раз покупал у неё лук и помнил, что сдачу она всегда считала сама, даже если покупатель уже отсчитал монеты.

Кухонный служитель объяснял, что мешки числятся за возницей. А она объясняла, что возница числится её мужем.

— Вернётся, отдаст, — сказал служитель.

— Я затем и пришла. Когда?

За дверью гремели котлы. Кто-то потребовал пропустить тележку. Женщина отступила к стене, прижимая пустой мешок к животу.

Служитель увидел Эрина и обрадовался возможности переложить неприятный разговор на солдата.

— Спросите у него. Он служит.

Дела посмотрела на принесённый с караула щит.

— Вы на восток ходите?

— Иногда.

— У моего мужика ремень на левом сапоге обмотан красной ниткой. Должен был ещё вчера вернуться. Если найдёте...

Она остановилась, стиснув край мешка так, что скрипнула ткань. Эрин уже открыл рот, чтобы сказать привычное «постараемся», и закрыл. Женщина смотрела на него слишком внимательно для такого ответа.

— Как его зовут?

— Руд. Он вам муку привозил.

Эрин вспомнил широкую спину, руку с недостающим ногтем, лошадь, которая всегда пыталась повернуть к водопою. Имя до этой минуты не вспоминалось.

— Я скажу десятнику.

— Вы сами запомните. А то у вас всё друг другу говорят.

Эрин кивнул, но женщина продолжала ждать. Он чувствовал на предплечье тяжесть щита и не знал, куда деть свободную руку. Наконец она повернулась к выходу, унося пустой мешок.

У порога она остановилась ещё раз: колесо тележки прижало мешковину. Эрин нагнулся, высвободил край. Женщина машинально проверила ткань на просвет — не порвалась ли — и поблагодарила за мешок. За остальное благодарить было пока нечего.

В кухне пахло разваренным горохом. Служитель сунул Эрину в руку тёплую горбушку, будто теперь разговор можно было считать улаженным. От протянутого хлеба он не отказался и разозлился ещё сильнее: есть хотелось, отказаться красиво не получилось. До казармы донёс половину.

В казарме в это время спорили, сколько сахара кладут в вино сотнику. Эрин поставил щит у койки и спросил, кто знает обозника Руда. В ответ описали ту же спину и ту же лошадь. Имя почти никто не помнил. Вечером он нашёл Ранвальда у оружейной. Десятник выслушал про красную нитку и велел повторить это, если их действительно пошлют к холму.

— Не обещал ей, что найдём?

— Нет.

— Хорошо.

Эрин ещё стоял у оружейной, когда туда вошёл Норик. Старик напомнил о выдаче плащей. Пришлось вернуться: вечернего караула за него никто не отменял, а дождь собирался настоящий, без всякой магии.

— Плащ порван, — сказал Эрин.

Оружейный посмотрел на дыру.

— Вижу. Что ты от меня-то хочешь?

— Мне с ним идти.

— Поэтому и выдаю тебе. В сундуке от него пользы мало.

Эрин просунул два пальца в прореху. Оружейный поморщился, будто это было намеренное повреждение имущества.

— А если дождь?

— Повернёшься целой стороной.

— А если ветер изменится?

— Ты тоже не прибитый. Иди уже.

Сзади кашлянул Норик, положил на стойку обрезок кожи и попросил иглу.

— Иглу вернёте, — предупредил оружейный.

— Верну. Если сожрут — ищи в говне, она железная.

Он забрал иглу, отвёл Эрина к окну и начал зашивать дыру. Стежки получались мелкими и ровными. Эрин держал ткань, стараясь не мешать.

— Сам бы зашил.

— Так держи ровно. Научишься. А будешь болтать под руку — носки стирать мои пойдёшь.

Глядя на руки старика, он повторял про себя имя обозника. Руд. Красная нитка на левом сапоге. Десятнику он уже передал. Теперь важно было не забыть самому, когда снова окажется у холма.

Глава 2. До вечера

На рассвете десятник Ранвальд получил приказ проверить старые развалины.

Он прочитал бумагу, ещё раз посмотрел на последнюю строку и сложил лист вчетверо. Большого похода не предполагалось. Десять человек, включая боевого мага, запас еды до вечера. Посмотреть, что происходит у холма, и вернуться. Если там разбойники — оценить численность. Если зверьё — отметить логово. Если ничего — тем лучше. Человек, составлявший приказ, явно надеялся на последнее и провиант рассчитал соответственно.

Десятник командовал без малого восемь лет и давно перестал любить поручения, в которых слишком часто встречалось слово «если».

Его люди ждали у внутренних ворот. Эрин стоял ближе к концу строя, поправляя щит. Третий год службы научил его спать в сыром плаще, различать десятников по шагам и не спорить с кухней натошак. С боевым опытом было хуже. Однажды их караул отогнал степных налётчиков от деревни, в другой раз банда разбежалась ещё до схватки. Эрин тогда ударил бегущего плоскостью меча по спине. Тот упал, поднялся и убежал. В казарме об этом он не рассказывал: хвалиться было нечем, а объяснять, почему не ударил лезвием, не хотелось.

В строю стояли Бран, Тарвен, Мейр, Хольд, братья Левар и Седрик, старый копеейщик Норик. Ранвальд обходил их, проверяя сборы. Десятым был Олмер — худой маг лет сорока, с коротко стриженной бородой и тёмным посохом, обмотанным медной проволокой. Он носил кольчугу под дорожным плащом и не походил на придворного чародея из песен. В крепости его чаще видели за починкой сапог, чем за изучением древних свитков.

Левар и Седрик спорили над хлебом. Старший утверждал, что его половина меньше, младший предлагал поменяться. Поменялись, но спор продолжился. Бран смотрел на них с тем вниманием, с каким другие смотрели на игру в кости.

— Разрежьте поперёк, — посоветовал он. — Сразу получите четыре повода.

Тарвен затягивал ремешок на сапоге. Норик ждал, опустив копьё поперёк колен. Старик никогда не чистил оружие перед самым выходом: всё, что он собирался брать, лежало готовым с вечера. Зато чужие сборы раздражали его всякий раз, словно он видел их впервые.

— Вы заткнётесь сегодня или нет? — сказал он братьям.

— Сам бы не ворчал, старый хрен, — ответил Левар.

Норик сплюнул в сторону стока. Бран наконец отломил кусок от собственной пайки и положил между братьями. Спор прекратился, но оба посмотрели на него без благодарности.

Олмер попросил Эрина придержать посох и сел на нижнюю ступень. На подошве мага разошёлся шов. Он достал из рукава иглу, просунул в ушко навощённую нить и принялся протыкать толстую кожу.

— А нельзя просто... — начал Эрин.

Маг посмотрел на него поверх сапога.

— Можно. До ручья продержится. Потом будешь нести меня, потому что я потрачу силу на то, с чем справляется игла.

— Я не это хотел сказать.

— Это. Все хотят сказать это.

Маг снова опустил голову. У ногтей кожа потемнела от старых ожогов, один палец криво сгибался в суставе. Эрин держал посох подальше от медной обмотки.

— Не ужалил, — сказал маг. — Но правильно делаешь, что не ковыряешь.

Мейр раскрыл кожаный чехол, проверил сухую тетиву и снова спрятал лук. До места он нёс его со снятой тетивой, берег от сырости и веток. Нож висел снаружи, под удобную руку. Норик однажды назвал стрелка за эту привычку карманником. В тот же вечер старик

обнаружил собственную ложку у себя в сапоге — стрелок переложил её незаметно, прозвище после этого ходило по казарме ещё несколько дней, но Норик произносил его осторожнее.

Ранвальд подошёл с кожаной связкой запасных учётных знаков. На каждом стояли имя и крепостной номер. Основной жетон солдат носил на себе, второй перед выходом оставлял у десятника: караульному писарю было удобнее сверять связку, чем ловить каждого у ворот. Олмер отдал свой последним.

— Только к вечеру верни. Я за него уже платил. Дважды.

Ранвальд пересчитал металлические пластинки и спрятал их во внутренний карман. Затем проверил плоский футляр на поясе. Такой лечебный камень полагался каждому десятку, в оружейной за ним следили строже, чем за котелком. Эрин видел его в деле после неудачных учений: поворот медного кольца, ладонь на оправе — и под молочной поверхностью проступает зелёный свет. Раны сидящих рядом стягивались, но торопить камень было бесполезно. На порез уходили минуты, на разорванную мышцу — гораздо больше.

— На месте? — спросил Тарвен.

— На месте. Только это не значит, что разрешено бездумно лезть в драку.

— А я уже обрадовался.

Бран потрогал медную защёлку одним пальцем.

— А Норiku молодость вернуть?

— Тебе бы сначала мозги выдать, — сказал копейщик. — Но и этого в описи нет.

Олмер поправил страховочный шнур на защёлке: однажды футляр открылся на бегу. Ранвальд затянул узел и убрал камень. Лечить приходилось сидя, со свободными руками, не отвлекаясь от оправы. Прерванная концентрация могла срastить ткани хаотично. «Плоть починит, — говорил Олмер, — а кровь с земли уже не соберёшь». Ни воды, ни сна, ни утраченную жизнь камень тоже не возвращал.

Эрин напомнил десятнику про обозника. Ранвальд кивнул.

У внешних ворот они ненадолго задержались, пропуская телегу с навозом. Левар закрыл нос рукавом.

— Вот люди умеют выбирать время для выезда.

Норик ткнул его древком в сапог.

— Держись ближе. Не понравится разведка — поменяемся с возницей.

Когда дорога освободилась, шутить перестали не сразу. Седрик ещё несколько шагов доказывал брату, что у возницы работа постоянная.

Вышли без проводов. Ворота закрылись за спиной, и через несколько минут крепостные стены скрылись за соснами.

До холма было около четырёх часов спокойного пути. Первую половину дороги отряд шёл быстро. Земля после ночного дождя была мягкой, воздух пах мокрой хвоей. Разговоры постепенно стихли сами собой. Ранвальд не запрещал людям говорить, но чем дальше они уходили от крепости, тем чаще все смотрели под ноги и по сторонам.

Олмер остановился у корней поперёк тропы. Грязь между ними истоптали узкие ступни с короткими пальцами и вытянутыми пятками. Кое-где поверх босых отпечатков легли следы грубо сшитых подошв. Маг присел, коснулся ещё влажного края.

— Свежие.

Ранвальд подошёл ближе.

— Сколько?

Не отвечая сразу, маг прошёл вдоль тропы, посмотрел в кусты и вернулся.

— Больше двух десятков. Возможно, намного больше.

После этого никто не шутил.

Кобольды обычно выбирали добычу без копий: одинокого путника, скотину, плохо запертый склад. Большая нора выдавала себя дымом и ночными кражами. Здесь не замечали ни того

ни другого — до исчезновения у холма. Эрин оглянулся на оставшуюся за спиной тропу. Она ещё была пуста.

Ранвальд остановил колонну и дал Мейру подняться на сухой бугор. Стрелок вернулся: у тропы никого. Назад десятник пока не повернул. Следы могли принадлежать одним и тем же существам, ходившим туда и обратно, это ещё предстояло проверить. Он велел идти до места, откуда виден склон, и не лезть вверх без команды. Эрин почувствовал облегчение от этих последних слов — и постарался, чтобы никто этого не заметил.

Дальше пошли плотнее. Эрин впервые заметил, как меняется сам лес. Не слышно было птиц, и даже мелкие ветки оставались неподвижными. В нескольких местах кора на соснах оказалась содрана на уровне пояса, будто кто-то постоянно таскал тяжёлые грузы между деревьями. На одной ветке висел обрывок серой шерсти, но Олмер не смог определить, кому она принадлежала. Через час впереди показался старый холм.

С близкого расстояния он выглядел хуже, чем из крепости. На склонах лежали каменные обломки, заросшие мхом. Между ними угадывались остатки древних ступеней. Верхняя часть развалин почти полностью ушла в землю, словно холм за века медленно проглотил башню.

Ранвальд поднял руку. Едва отряд остановился, Эрин заметил тень между камнями наверху — и над склоном вспыхнул синеватый свет.

Олмер ударил посохом в землю. Перед строем выгнулась полупрозрачная дуга. Первый сгусток огня ударил в неё так близко, что Эрин успел увидеть в пламени собственный щит. Воздух хлопнул по ушам. Его отбросило на пятку, изо рта вырвался пустой вдох. На рукав посыпались горячие крупинки.

Второй удар пришёл правее, и щит мага дрогнул.

На вершине показались несколько низких фигур в кожаных нагрудниках. В руках у двоих были короткие жезлы из тёмного дерева, на концах которых горели белые искры. Остальные таскали камни и сбрасывали их вниз по склону.

Ранвальд мгновенно развернул людей к каменным обломкам. Первые бойцы перебежали к укрытию. Эрин рванул следом за Нориком и едва не получил булыжником в плечо. Камень ударился о землю, отскочил и выбил из рук Тарвена копье.

Олмер остался на открытом месте дольше всех. Каждый удар в дугу сгибал его в пояснице. Эрин видел, как маг переставляет посох, ищет опору и не находит: размокшая земля уходила под наконечником. В прозрачной защите расползались тёмные жилки. За одной из них уже просвечивал белый огонь. Следующий удар мог пройти насквозь. Поняв это, Эрин заорал магу, хотя сам не расслышал ни слова.

Когда последний человек добрался до укрытия, маг мгновенным рывком переместился к ним и опустил посох. Защитный купол исчез.

Между ударами стало слышно, как маг втягивает воздух.

Ранвальд осмотрел людей. Никого не убило. У Тарвена была рассечена щека, у Левара разбита ладонь, но все стояли на ногах.

Наверху кобольды снова зашевелились.

Десятник выглянул из-за камня. Назад до деревьев лежала открытая полоса, Олмер уже тяжело дышал и второго щита на весь отход не обещал. Зато слева обвалившаяся кладка поднималась почти к вершине, укрывая от жезлов. Он ткнул туда мечом. Подняться ещё можно было, если пройти до того, как заклинатели сменят место.

Люди пошли короткими перебежками от камня к камню. Олмер прикрывал их, перехватывая заклинания собственными вспышками. Несколько раз воздух над склоном словно лопался: синее пламя сталкивалось с жёлтым, разбрасывая искры по мху.

Чем выше они поднимались, тем труднее становилось кобольдам бросать камни. Зато появились дротики. Один застрял в щите Брана. Другой скользнул по кольчуге Седрика и оставил только длинную царапину.

До верхнего края оставалось шагов двадцать, когда десятник перестал двигаться осторожно и повёл людей прямо вверх.

Первый кобольд показался из-за стены. Он был ниже человека почти на голову, жилистый, с вытянутой мордой и жёлтыми глазами. Вместо шлема на нём сидела железная миска с прорезами, а в руках был короткий тесак.

Норик встретил его копьём.

На склоне люди сразу потеряли друг друга за камнями. Сверху скатывались мелкие обломки, стоило поднять голову, как в лицо летел тесак или грязь из-под чужой ступни. Впереди слышалось дыхание Норика, хотя самого старика Эрин почти не видел. Он лез на этот звук, упирался щитом в мокрую кладку, срывался и снова вставал. Кто-то рядом кричал «ниже», и непонятно было, велят ли пригнуться или зовут на помощь вниз.

У расколотой стены кобольд прыгнул ему прямо на щит. Железная миска на его голове звякнула о камень, тесак соскользнул по ободу. Эрин толкнул снизу и сунул меч под задравшийся кожаный нагрудник. Рука почувствовала странное, вязкое сопротивление. Кобольд раскрыл пасть у самого его лица, пахло гнилым мясом. Когти прошили рукав и остались в нём, даже когда противник повис на клинке. Он тянул меч назад, а противник всё не отпускал. На миг ему стало страшнее этой цепкой руки, чем тесака.

Пришлось ударить ещё раз и придавить чужую кисть щитом. Освободив рукав, он отступил, едва не сел на камень и пнул мёртвую ногу, мешавшую пройти. Уже занёс сапог снова — и опустил рядом. Сверху звали своих. Он полез к ним, не глядя на того, кого оставил у стены.

Когда он поднял голову, бой уже смещался к вершине.

Олмер добрался туда последним. Его плащ был прожжён в двух местах, лицо посерело от усталости. Он успел отправить короткую вспышку в одного из кобольдских заклинателей, после чего тот исчез за обломками стены вместе с собственным жезлом.

Оставшиеся твари бежали: одни скрылись между камнями, двое прыгнули в узкие провалы в земле. Ранвальд запретил преследовать.

Через минуту всё закончилось.

На вершине осталось девять мёртвых кобольдов. Седрик держал ладони у брата под рёбрами и всё переставлял их, не решаясь отнять совсем. Тесак разорвал Левару бок, кольчуга задержала удар, но крови на рубахе хватало, чтобы никто больше не спорил о пайке. Олмер осмотрел рану и позвал Ранвальда. Из соседних лазов пока никто не лез. Мейр и Норик остались следить за ними, остальные собрались за толстой частью уцелевшей стены. Раненый старался смотреть поверх головы мага. Рядом с флягой стоял Седрик и подносил её всякий раз, когда брат шевелился.

— Я не хочу пить.

— Ты бледный.

— Так полей меня. Может, позеленею.

— Флягу держи. Просто держи, — остановил его маг.

Он разрезал ткань, вымыл из раны грязь и обломок кольца. Ранвальд сел напротив, положил между ними лечебный камень и повернул медное кольцо. Через некоторое время Левар перестал втягивать воздух сквозь зубы. Кровь больше не сочилась, края рассечения медленно сходились, оставляя розовый след. Седрик смотрел на этот след с такой жадностью, что маг велел ему самому сесть, пока не свалился поверх брата.

Эрин отвернулся к своему мечу. Между гардой и лезвием застрял кусок грязной кожи. Он провёл тряпкой, но ткань только размазала тёмную полоску. Пришлось поддевать ножом.

Норик присел рядом.

— Пальцы убери.

— Вижу.

— Я тоже. Потому и говорю.

Эрин убрал большой палец с лезвия. Кожа отлипла. Под ней обнаружилась неглубокая зарубка, которой утром не было.

— Сильно держал?

— Кто?

Старик кивнул на разорванный рукав.

— Да.

— Бывает. Не вырывай сразу. Прижми посильнее, потом освобождайся.

Эрин ждал, что Норик скажет ещё что-нибудь: про первый настоящий удар, про то, как перестать чувствовать чужие пальцы на рукаве. Старик уже встал, но заметил, куда он смотрит, и задержался.

— Тряпку выжми. А то рукоять опять обмажешь.

Разжав кулак, Эрин обнаружил в ладони мокрую насквозь тряпку. Старик не стал на неё смотреть, расправил затёкшее колено и пошёл обратно к лазу.

Тарвен поднял у камней небольшой топор с человеческой рукоятью. Его собственное копьё после удара булыжником треснуло у наконечника. Он проверил топор на обломке балки, остался доволен и заткнул за пояс.

Эрин наконец дочистил меч. Рука дрожала уже меньше. На земле неподалёку лежал кобольд с железной миской на голове, под краем миски была пришита полоска мягкой ткани, чтобы железо не натирало уши. Заметив её против воли, он сразу посмотрел на своих.

Пока остальные осматривали вершину, Ранвальд довёл лечение до конца. Олмер наложил на восстановленный бок лёгкую повязку, чтобы кольчуга не натёрла тонкую кожу. Левар осторожно согнулся, выпрямился и снова согнулся — уже увереннее. Боль ушла, осталась слабость. Он спросил, сколько с него теперь возьмут за испорченную кольчугу. Седрик сердито велел хотя бы минуту посидеть молча, и только после этого убрал флягу. Руки у него всё ещё дрожали.

Тогда люди впервые нормально осмотрели развалины.

За остатками круглой стены находилась каменная площадка, частично скрытая дерном. На ней виднелись следы десятков ног, свежая грязь, куски кожи, обломки ящиков. В центре зиял широкий проход вниз.

Вход не походил на нору. Ступени уходили в темноту ровным маршем, вырубленным в старом сером камне. По краям сохранились обломки колонн. Над входом когда-то была надпись, но большая часть букв осыпалась. Там, где не хватало камня, кобольды укрепили стены свежими деревянными балками. Олмер провёл ладонью по одной из них.

Балка была новой, нижний конец плотно входил в старый паз. У лестницы кобольды устроили место для караула. Ранвальд приподнял крышку ящика: крошки, мышинный помёт. Поставил её обратно и проследил взглядом отпечатки ног, уходившие вниз.

Он задержался у лестницы. Дневной свет оставался за плечом, по обратной тропе ещё можно было увести всех десятерых. Но внизу могли держать пропавших людей. Эрин ждал, не решаясь заговорить первым.

Десятник распорядился зажечь два фонаря и убрать всё, что гремит. Камень вернулся в футляр, Левар уже стоял рядом с братом, придерживая свежую повязку.

Бран присел у верхней ступени и положил на колено фонарь. Он попробовал заслонку, вытряхнул мокрый сор и снова закрыл дверцу.

— Десятник, а кто наверх смотрит?

— Пока спускаемся — последние двое.

— А потом?

Десятник задержал на нём взгляд.

— Потом решим по месту.

Бран не отвёл глаз, но спорить не стал. Тогда Олмер сказал, что чувствует движение воздуха снизу. Большие помещения. Возможно, второй выход. На вопрос, уверен ли он насчёт второго выхода, маг покачал головой.

— До первого зала, — распорядился десятник. — Не разбегаться. Вещи не трогать. Кто увидит людей — зовёт меня, а не тащит сам.

Мейр проверил второй фонарь. Эрин заметил, что стрелок держит нож остриём вниз, хотя поблизости уже никто не двигался.

— Боишься? — спросил Левар.

— Не больше остальных.

Левар отвернулся. Седрик помог ему поправить кольчугу. Возле прохода пришлось подвинуть убитого: голова мешала поставить фонарь ровно. Бран потянул тело за плечи и уложил у стены лицом вниз.

Пока десятник следил за сборами, Эрин подошёл к нему и показал вниз.

— Если там обозники, они могли остаться живы.

— Могли.

— Тогда надо за ними спускаться.

Десятник поправил ремень у него на плече.

— Если полезем, отвечать за это мне. Ты про Руда сказал — я услышал. Теперь дай подумать.

Эрин отступил. Ранвальд смотрел вниз, а он сам — на лес за спиной десятника. Стоило командиру сказать «назад», и можно было бы пойти туда, не решая ничего. Вместо этого командир махнул магу к лестнице. Пришлось подтянуть щит. Про Руда напомнил он сам, теперь предстояло идти следом.

Глава 3. За дверью

С фонарями спустились к верхней площадке.

У самого входа Ранвальд задержался. На верхней ступени белел широкий след сапога, смазанный множеством узких ступней. Эрин присел: красной нитки, клочка одежды, чего-нибудь узнаваемого не было.

— Свой? — спросил Бран.

Эрин поставил рядом ногу, почти совпавшую по размеру со следом. След мог оставить любой из них во время боя.

Бран подождал, пока он встанет, и повернул фонарь заслонкой вперёд. Вниз пошли без нового обещания. На этот раз Эрин сам пригладил рукав, чтобы он не цеплялся за кладку.

Дневной свет быстро остался наверху.

Ступени оказались длиннее, чем можно было предположить снаружи. Они уходили под холм по пологой дуге и несколько раз поворачивали, всё дальше отрезая людей от света. Через сотню шагов воздух стал холоднее. Запах сырой земли сменился запахом старого камня, плесени и чего-то металлического.

Фонари едва справлялись с темнотой. Их жёлтые пятна скользили по стенам, выхватывая то грубо вырубленные кобольдские знаки, то древние рельефы, почти стёртые временем. На одном из них были изображены люди в длинных одеждах, стоящие перед воротами, похожими на раскрытую пасть. Эрин задержал взгляд, но разглядеть подробности не успел.

Ранвальд придерживал темп, не давал передним уходить от последних. Норик проверял ступени копьём, за ним держались Мейр и Олмер. Эрин шёл в середине. Замыкали братья. Левар уже не хватался за бок, но каждый раз, когда он замедлялся, Седрик тоже делал шаг короче. Старший заметил и ничего не сказал.

Минут через десять под ногами прошёл слабый толчок. Норик приподнял фонарь, с потолка сыпалась пыль. Потом плиты начали опускаться — медленно, целым участком коридора. Ранвальд обернулся на скрежет. По обе стороны разъехались каменные панели, открыв тесные ниши с кобольдами.

Кобольды ударили почти без крика. Одного Эрин сперва увидел только по зубам: пасть раскрылась из ниши на уровне его локтя. Другие ныряли под щиты, цеплялись за ноги, били туда, куда человек в тесноте не мог опустить клинок. На спине Тарвена повисла тварь. Он ударился ею о стену, раздался хруст, чужие пальцы разжались. В ту же секунду короткое копьё вошло ему в бедро. Раненый рванулся вперёд и закричал так, что Эрин едва не обернулся спиной к своей нише.

Эрин успел выставить щит, когда из тёмной ниши справа выскочила ещё одна тварь. Удар пришёлся низко, в колено. Железная полоса на поноже выдержала, но ногу словно обожгло. Он оттолкнул противника и прижал к стене краем щита. Мейр добил его коротким ударом сверху. Бой длился меньше минуты.

Пол замер, панели остались открыты. За одной продолжало скрести, никто не стал заглядывать туда без щита.

Тарвен сидел у стены, зажав бедро обеими руками. Между пальцами быстро проступала кровь.

Олмер опустился рядом и прижал ладонь поверх раны. Медная проволока на посохе тускло засветилась. Срочное заклинание сдерживало кровь, пока Мейр проверял ниши, а Ранвальд с Нориком перекрывали коридор. Для лечебного камня здесь ещё не было покоя: за открытыми панелями продолжали скрести. Тарвен стиснул зубы и вцепился свободной рукой в ворот мага, сам не замечая, что тянет его к себе.

Через несколько минут кровь перестала проходить сквозь прижатую ткань. Глубокий прокол оставался, но тугая перевязка позволяла двигаться. Олмер разжал Тарвену пальцы на своём входе по одному.

После лечения маг выглядел хуже самого раненого.

— Здесь что-то мешает, — сказал он тихо.

Ранвальд посмотрел на него.

Маг показал погасшую обмотку. Любое заклинание в этих катакомбах требовало больше сил, чем снаружи. Словно сама каменная толща оттягивала часть энергии на себя. После щита на холме магу пришлось выбрать, на что тратить оставшееся.

Выслушав его, десятник оглянулся на лестницу. Между нею и людьми остались открытые ниши. Он велел Мейру смотреть назад, а Норику — искать впереди место, где можно развернуть строй и усадить раненого.

Тарвен попытался опереться на больную ногу. Олмер придержал его за локоть, но тот отстранил руку.

— Сам.

— Сейчас сам. На следующем повороте тоже сам. Если начнёшь падать, предупреждай до падения.

— Хороший способ лечения. Всем назначаешь?

— Тебе пока назначил. На остальных силы остались.

Маг хотел подняться, но не сразу разогнул спину. Эрин взял его фонарь. Тот не поблагодарил, только ослабил хватку на ручке.

Ранвальд отвёл его на два шага. Голоса оставались слышны.

— Сколько ещё можешь?

— Не знаю.

— На щит хватит? Пока я камень разверну, если снова кого свалят?

— На удар-другой. Потом щит упадёт. Камню нужен покой, Ранвальд, я его здесь не удержу.

— Мне нужен запас.

— Я тебе не мешок муки. Не взвесишь, сколько осталось.

Десятник помолчал, затем велел передать Олмеру вторую флягу. Левар буркнул, что раненым тоже пить хочется. Он повернулся к нему, но Эрин успел заговорить раньше.

— Дам ему свою.

— Пить будете по очереди из обеих. С пустой флягой никто не идёт.

Эрин почувствовал себя глупо. Олмер принял флягу и сразу протянул её обратно.

— Начинай. Тебе ещё фонарь нести.

Вода была тёплой от тела и отдавала кожей. Эрин сделал маленький глоток. Когда он вернул флягу, Олмер смотрел уже не на него, а на тёмный потолок. Там, за камнем, что-то негромко скребло, и маг слушал дольше остальных. Коридор вскоре закончился у массивной двери.

Она занимала всю стену от пола до свода и была сложена из тёмного камня, отличавшегося от остальной кладки. На поверхности теснились руны. Некоторые были древними, почти стёртыми, поверх них кобольды нанесли свежие знаки красной краской и чем-то похожим на засохшую кровь.

Дверь не имела ни ручки, ни замочной скважины.

Люди отошли от двери. Здесь хватало места, чтобы сесть, но никто не сел: после первой ловушки любая ровная плита казалась слишком удобной.

Мейр провёл ладонью по стене рядом с ухом и показал Эрину тонкую щель. Оттуда тянуло воздухом. Если приблизиться, становился слышен сухой перестук.

— Там ходят?

Мейр пожал плечами.

— Или что-то крутят.

Бран наклонился к щели.

— Эй. Откройте. У вас лестница сломана.

Норик схватил его за ворот и оттащил.

— Рот закрой.

— Я тихо.

— Достаточно я сказал.

Ещё несколько мгновений перестук продолжался, потом прекратился.

Бран больше не улыбался. Эрин отсчитал десять вдохов, затем ещё десять. С другой стороны стены не ответили. Олмер работал у двери, водя пальцем вдоль вытертых линий. Следить за пальцем мага было трудно — взгляд всё время тянуло обратно к щели. Позади скрипнула кожа.

Снова стало тихо. На этот раз Эрин расслышал, как справа внутри камня коротко лязгнул металл, а чуть выше ответил ещё один такой же звук. Он указал Мейру. Тот уже поднял голову.

Ранвальд увидел их жесты и переставил двоих к лестнице. За щелью больше не стучали. Эрин слышал собственное дыхание и подгонял Олмера про себя, будто от этого руки мага могли двигаться быстрее.

Олмер то склонялся к нижним знакам, то отходил, всматриваясь в линии целиком. Минуло около четверти часа. Наконец он вытер ладонь о плащ и велел всем отойти от створки.

Ранвальд выставил охранение. Норик и Бран остались у лестницы, ведущей наверх, остальные разошлись вдоль стен.

Маг приложил посох к центральной руне.

Первый звук был едва слышен — тонкий звон, будто далеко разбилось стекло.

Затем по двери побежали бледные линии.

Эрин смотрел, как руны вспыхивают одна за другой. Свет шёл не от посоха. Казалось, что дверь сама отвечает на прикосновение, просыпаясь после долгого сна.

С лестницы посыпался песок. Норик поднял щит прежде, чем в темноте мелькнула тень, дротик вошёл в доску над его головой.

Кобольды спускались сверху сразу несколькими группами. На площадке их почти не было видно, пока они не оказывались в двух-трёх шагах. За первыми рядами появились два заклинателя с короткими жезлами.

Люди сомкнули строй перед Олмером. Эрин упёрся пяткой в камень: за спиной маг удерживал посох у руны, отступать к нему было нельзя. Пока створка не сдвинется, придётся держать лестницу.

Сверху напирали новые ряды. Перед глазами мелькали морды и наконечники, за плечом слышалось рваное бормотание мага.

Упавших волокло вниз под ногами живых, один ещё хватался за ступень, пока задние не прошли прямо по его пальцам. Дротик вошёл Брану в плечо. Тот дёрнулся, разинул рот и на секунду выпустил из строя край щита. Эрин подставил свой. Бран обломил древко о камень и вернулся на место, дыша с коротким присвистом. По рукаву потекло к запястью.

Заклинатель на верхней ступени поднял жезл. Белый огонь ударил прямо в строй.

Хольд принял вспышку на щит. В нос ударил запах горелой кожи. Железный обод посветлел от жара, он не сразу смог выдернуть кисть из затянувшейся петли и тянул щит за собой, матерясь в полный голос. Седрик рассёк ремень. Щит рухнул на ступени, а на них остался чёрный отпечаток ладони, которой он пытался оттолкнуться.

Олмер не повернулся. По его виску стекал пот, посох оставался у руны. Свет на двери становился ярче.

Ранвальд переместился в первый ряд. Его меч работал без широких замахов: короткий удар в шею, толчок плечом, шаг вперёд. Не пытаясь преследовать отступавших, он удерживал ступень перед магом, каждый раз возвращаясь на неё после удара.

Мейра сбили с ног, и Эрин занял его место рядом с десятником. Страх никуда не делся. Он сидел в горле, мешал вдохнуть, заставлял слишком высоко поднимать щит. Ранвальд дважды ударил его локтем, опуская руку: снизу могли достать живот. Тогда он стал повторять про себя только то, что успевал сделать. Принять. Отвести. Вернуть меч. Убрать ногу с Мейровой руки. Не смотреть, сколько их ещё наверху.

Одного кобольда он ударил по морде краем щита. Другого достал мечом в плечо. Третий пролез почти под рукой, но Седрик перехватил его копьём.

Сверху раздался резкий треск.

Один из кобольдских жезлов раскололся прямо в руках владельца. Вспышка ослепила всех на лестнице. Несколько тварей посыпались вниз, сбивая своих.

Этого хватило.

За спиной у людей раздался тяжёлый каменный стон, руны на двери погасли, и створка медленно ушла внутрь стены.

Ранвальд отдал приказ отступить за неё. Сначала потащили раненых, затем отходили по двое, продолжая держать лестницу. Олмер прошёл последним.

Как только он оказался по ту сторону, дверь снова двинулась.

Кобольды бросились вниз, но не успели. Тёмная плита закрылась между ними, отрезав вой и стук оружия.

За спиной ещё гудела захлопнувшаяся дверь, когда впереди зашевелились жёлтые глаза. В следующем зале их уже ждали кобольды. Передохнуть не дали.

Ранвальд ударил первым, пока кобольды ещё поднимали копья. Люди навалились щитами, втиснулись между наконечниками. Олмер дал одну короткую вспышку. Эрин успел зажмуриться по его окрику, но белое пятно всё равно застыло перед глазами. Он рубил туда, откуда чувствовал давление на щит, слышал чавканье сапог на мокром полу и боялся попасть в своего. Десятник всё время говорил слева — всего два-три слова, которых хватало, чтобы не потеряться.

Через несколько минут всё стихло.

Хольд ногой перевернул щит убитого кобольда. Доски были коротковаты, ременная петля тесна. Он вырезал её, продел поясной шнур и взял щит обожжённой рукой. Шнур сразу прилип к мокрой коже.

— Блядь, прилипло... Седрик, ткань дай. Под шнур, — выдавил Хольд.

Свой сгоревший щит он оставил за закрывшейся дверью.

Люди стояли среди тел и не могли отдышаться. Бран прижал щит к стене и наконец дал Олмеру добраться до обломанного дротика. Хольд держал обожжённую ладонь перед собой, не зная, куда её деть. На боку Левара темнела новая полоса: копьё прошло под поднятым щитом. После вылеченной раны на холме он успел забыть, как осторожно дышал, и теперь злился на себя за эту поспешную радость. За закрытой дверью уже снова скребли.

Ранвальд велел не расходиться: попробуют найти место для раненых, а потом разберутся с обратной дорогой. Олмер наклонился к убитому и поднял меч.

На гарде сохранилось клеймо сивернской артели — башня над тремя волнами. Старый, но годный клинок. Рядом нашлись нагрудная пластина, обломок шлема, крепостная застёжка и два наконечника копий. Охотничьей добычей это не было.

Ранвальд перебрал найденные вещи. Военное снаряжение могли снять с погибших, украсть из обоза, купить через чужие руки. Клеймо не называло виновного. Но кому-то из людей этот меч когда-то выдали, а теперь он лежал под ногой мёртвого кобольда. Об этом придётся доложить — если удастся донести саму находку. Десятник велел проверить ближайший

проход. Хольд не поднялся вместе с остальными. Положил на ладонь найденную застёжку и спросил, чем она поможет им дальше по коридору.

— Узнаем, откуда взялась, — ответил десятник.

— Мы можем её донести. Саму.

Бран посмотрел на закрытую дверь. Сверху пока не стучали. Никто не знал, отдыхали там кобольды или ждали, когда люди попытаются вернуться.

Ранвальд протянул руку за застёжкой. Хольд отдал её не сразу.

— Обратно — та дверь и заклинатели на лестнице, — сказал десятник. — Олмер второй раз её под огнём не удержит. Проверим ближайший проход, найдём, где усадить людей с камнем. Дальше решим.

— Только сначала людей усадим, — тихо ответил тот.

Эрин присел у найденного меча. Башня над тремя волнами почти стёрлась, но на навешенных виднелись две более свежие буквы. Он спросил, не знает ли кто хозяина. Никто не знал. В крепости выдавали оружие от прежних владельцев, меняли рукояти, подгоняли гарды. Один клинок мог пережить несколько рот.

— Это не обязательно наши, — сказал Олмер. — Могли купить. Могли подобрать.

— Купили бы хлеб, — пробормотал Левар.

Олмер посмотрел на него.

— Ты свой меч покупал?

Больше тот не сказал ничего.

Ранвальд завернул застёжку и наконечник в тряпку. Меч брать не стали: лишний вес сейчас мешал, а знак кузницы был и на наконечнике.

— Один проход. Не выйдем к укрытию — ищем, как вернуться к двери. Хольд, следишь за последними.

Хольд кивнул, подвинул чужой щит к ноге и остался ждать последних.

Когда отряд двинулся, Эрин посмотрел на дверь. Ему хотелось запомнить её место без ошибок. Он сосчитал колонны, трещины, шаги до поворота. Позже именно эта тщательность оказалась хуже всего: невозможно было утешить себя тем, что просто ошибся.

Глава 4. Час у огня

Ближайший проход уходил под воду. Норик опустил фонарь: чёрная поверхность дрогнула от дыхания, стены терялись в отражении. Копьё достало до ровного камня. Старик ещё раз простучал дно перед собой и шагнул первым.

Холод сомкнулся вокруг колен, поднялся к поясу и так стиснул живот, что Эрин невольно втянул воздух. Под водой ничего нельзя было увидеть. Он искал ступнёй край каждой плиты и только потом переносил вес. Один раз что-то мягкое подалось под сапогом, он отдёргнул ногу и долго стоял, пока Норик не простучал дно. Щиты держали высоко. Раненые шли между здоровыми, и в темноте постоянно слышалось сердитое «не отпускай», хотя никто никого отпускать не собирался.

За плеском шагов слышались скрежет сбоку и короткое постукивание, будто камнем по камню. Несколько раз люди останавливались, но ничего не появлялось.

Олмер шёл молча, экономя силы, и посох едва светился. Проход тянулся почти полчаса. Когда вода наконец стала мелеть, ноги у всех онемели от холода.

Бран нёс фонарь на вытянутой руке. Один раз он поднял его слишком высоко и ударил о свод, огонь метнулся за мутным стеклом. Все остановились. Пока он проверял дверцу, вода залилась ему за ворот.

— Вот теперь помылся, — сказал Тарвен сквозь зубы.

— Тебе налить?

— Фонарь ниже и осторожнее, — велел десятник. — В этой воде нового не разожжёшь.

Хольд принял свет, Седрик — его щит. Эрин ждал, пока впереди снова двинутся, прижимая локти к рёбрам: холод уже добрался под пояс.

За водой открылся зал, до дальней стены которого не доставали фонари. В нишах лежали каменные саркофаги — разбитые и ещё закрытые тяжёлыми крышками. Над ними проступали выпцветшие человеческие лица, колонны в середине уходили во тьму. Мейр проверил ближайшие ниши и вернулся: кобольдов нет. После его доклада десятник разрешил остановиться.

Люди разожгли маленький огонь из сухих досок, найденных возле разбитого саркофага. Сняли мокрые плащи, выжали одежду, проверили раны. Ели молча. Усталость наконец догнала их разом.

Эрин сидел, прислонившись к колонне, и впервые почувствовал, насколько далеко они ушли от поверхности. В голове ещё сохранялось ощущение, будто достаточно подняться по лестнице, и впереди снова появится лес. Но он уже понимал: обратная дорога занимает часы, а часть пути защищена противником.

Олмер изучал ближайшее захоронение. На крышке сохранился герб, которого никто не узнавал. Под ним шла строка древних письмен.

Маг сказал, что катакомбы старше крепости Сиверн на несколько столетий. Возможно, когда-то здесь хоронили людей исчезнувшего княжества. Кобольды пришли позже.

Ранвальд спросил, могли ли у погребальных залов быть другие выходы. В ответ маг пожал плечами. Десятник отвёл на отдых час: дальше выбирать придётся на ногах.

Он поставил лечебный камень на крышку низкого саркофага. Бран лёг рядом, остальные уселись так тесно, что Левар сразу велел брату убрать колено. Маг осторожно освободил раненые места от мокрой ткани. На этот раз никто не спорил о времени: Хольд смотрел, как на обожжённой ладони понемногу появляется ровная кожа, Тарвен шевелил пальцами больной ноги. Глубокий прокол стягивался медленнее порезов. Десятник сидел с опущенной головой, обе ладони держал на оправе и не отвечал на вопросы, пока свет не выровнялся.

— Можно уже чесать? — спросил Бран, глядя на затянувшееся плечо.

— Нет, — ответил маг.

— А когда?

— Когда отойдёшь и я не увижу.

Тот засмеялся и тут же прислушался к плечу: не болело. Олмер осмотрел ладонь Хольда, попросил согнуть пальцы и разрешил сменить часового. Левар прижал руку к боку, подышал глубже и отвернулся, пряча облегчение.

Когда маг сел у огня, Эрин протянул ему сапог. Тот покачал головой и достал из своего мешка обычную иглу.

— Теперь твоя очередь.

Эрин долго не мог попасть в старое отверстие. Пальцы перестали слушаться после холодной воды. Маг забрал сапог, повернул подошвой к свету и вернул.

— Так виднее.

— Я думал, ты зашьёшь.

— Я тоже много чего думал утром.

Норик развешивал носки на обломке человеческой руки, отколотой от надгробной фигуры. Левар заметил и поморщился.

— Мёртвых бы уважил.

— У живых ноги мёрзнут.

— Он князь был, наверное.

— Тогда привык, что на нём всё висит.

— На мне тоже всё висит, — сказал Бран. — А князем не берут.

Старик посмотрел на его расстёгнутый пояс.

— Ты сперва застегни. Князь не князь, а хозяйство простудишь.

Бран потянул пряжку здоровой рукой с усмешкой.

— Единственный наследник. Берегу.

Он фыркнул и по привычке прижал ладонь к плечу. Боли не было, и он растерянно посмотрел на собственные пальцы, потом снова на носки. Норик переставил обломок ближе к огню и подложил под него камень. Лицо статуи лежало поодаль. Никто не поставил на него котелок.

Седрик разделил оставшийся сыр. Левару он незаметно придвинул кусок побольше. Брат заметил, вернул лишнее, потом передумал и забрал обратно.

— Дома не рассказывай.

— Про сыр?

— Про всё.

Седрик долго жевал, прежде чем ответить.

— Про всё не поместится.

Они сидели плечом к плечу. Младший уже не следил за каждым братовым вдохом, но всё ещё вздрагивал, когда тот менял позу. Левар заметил, нарочно шумно вздохнул и получил локтем в плечо. Эрин отвернулся к сапогу, скрывая улыбку. Несколько часов назад чужое ворчание утомляло. Теперь хотелось, чтобы оба не замолкали.

Ранвальд прошёл между людьми, заставляя ослабить мокрые ремни. Под поножей Тарвена натёрло кожу возле зажившего прокола.

— Снимай, — велел маг. — До завтра опять разотрёшь.

Тарвен стянул поножу и положил сушиться. Эрин наконец закончил шов. Маг провёл по нему большим пальцем и сказал, что до крепости хватит, если тот не начнёт хвастаться скоростью.

— А ты кому сапоги шил до службы?

— Себе. У меня и до службы были ноги.

Маг прикрыл глаза. Казалось, разговор закончился, но он добавил:

— Брату ещё. Он работал на пароме. От воды нитка гнила быстрее кожи.

Эрин хотел спросить, жив ли брат, и не спросил. Маг уже дремал, положив руку на посох. Огонь высушил на его рукаве светлую полосу соли.

У дальней ниши Хольд стоял на страже. Эрин видел его ноги между колоннами и слушал ровное потрескивание досок. Впервые за много часов никто ничего от него не требовал. Он подтянул плащ под спину и позволил себе закрыть глаза.

Через полчаса он проснулся от скрежета. Спросонья решил, что двигают саркофаг, но дрогнула колонна у него за спиной. Люди вскочили.

Входная стена сдвинулась целиком. Вместе с нею поползли вырезанные лица над саркофагами, пыль потекла из швов ровными струйками.

Проход исчезал медленно, и именно это заставило Норика броситься к нему: казалось, ещё можно успеть. Ранвальд схватил старика сзади за ремень. В щель попал забытый обломок доски. Он не отскочил — расплющился, хрустнул, и камень продолжил идти с прежней неторопливостью. Старик перестал вырываться. Они вдвоём смотрели, как последняя полоска коридора превращается в шов. Через несколько секунд дорога назад пропала.

На противоположной стороне открылся коридор. Оттуда потянуло тёплым воздухом, донёсся рык. Десятник погасил каблуком огонь, который вытянулся к новому проходу, и проверил людей. Лезть в шов исчезнувшей стены было поздно. Он приказал перестроиться и первым вошёл в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.